

Лавровый венок. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Лавровый венок. Марина Ивановна Цветаева

(Памяти проф. И. В. Цветаева)

Года за два до открытия музея отцу предложили переехать на казенную директорскую квартиру, только что отстроенную. “Подумайте, Иван Владимирович, – соблазнила наша старая экономка Олимпиаевна, – просторная, покойная, все комнаты в ряд, кухня тут же – и через двор носить не нужно, электричество и ламп наливать не нужно, и ванна – и в баню ходить не нужно – все под рукой... А этот – сдать...” – “Сдать, сдать! – с неожиданным раздражением отозвался отец. – Я всю жизнь провел на высокой ноте! – И, уже самому себе, отъединенно: – В этом доме родились все мои дети... Сам тополя сажал... – И совсем уже тихо, почти неслышно, а для экономки и вовсе непонятно: Я на это дело положил четырнадцать лет жизни... Зачем мне электричество?! А квартиру отдать семейным служащим, как раз четыре квартирki выйдут, отличные... Две комнаты и по кухонке...” – Так и было сделано.

В эту же весну отец из Германии привез от себя музею – очередной подарок: машинку для стрижки газона. – “А таможен не платил, ни-ни. Упаковал ее в ящичек, сверху заложил книжками и поставил в ноги. – А это что у вас здесь? – Это? – Греческие книжки. – Ну, видят – профессор, человек пожилой, одет скромно, врать не будет. Что такому и возить, как не греческие книжки! Не парфюмерию же. Так и провез без пошлины. Помилуйте! Да на пошлину вторую такую стрижку купить можно”. (Никогда не забуду, как он на самосеянном газоне перед музеем – первый – ревниво, почтительно, старательно и неумело, ее пробовал.) Думаю, что это был единственный за жизнь противозаконный поступок моего отца. Впрочем, он для музея был готов на несравненно – большее, во всяком случае – долгие. Сидит он у какой-нибудь московской купчихи, потягивает чаек и улещает: – “Таким-то образом, матушка, всем и радость, и польза будет. А что племянник? Племянник все равно промотает”. Старушка: – “Неужели?” – “Как Бог свят – промотает. Пропьет или в карты пропустит”. Старушка, упавшим голосом: – “Пропустит”. Отец: – “А покойник их, небось, по полтиннику собирал. Племянник пусть сам наработает. Я ведь тоже в детстве босиком бегал...” Помню, что таким способом, только на этот раз у старушки высокопоставленной, отец, в конце очень долгих концов, отстоял для музея прекрасный подлинник: мраморную голову императора Тита, которая и поныне украшает музей.

Отношение к строящемуся музею было разное. Помню известного московского педагога Вахтерова, в 1909 году говорившего мне, тогда – гимназистке: – “Зачем музей? Сейчас нужны лаборатории, а не музеи, родильные дома, а не музеи, городские школы, а не музеи. Ничего! Пусть строят! Придет революция, и мы, вместо всех этих статуй, поставим койки. И парты. А что строят – ничего. Стены нам пригодятся”. В общем, интеллигенция и молодежь относились равнодушно, и отец в своем деле (как каждый любящий – в своем!) был одинок. Но он этого не замечал – или миновал. Зато, как же он радовался малейшему сочувствию, малейшему “музейному” вопросу, как охотно сам путеводил – шестидесятипятилетний старик и безумно занятый человек – наших сверстников, мальчишек и девчонок, сам показывая и рассказывая, обстоятельно отвечая на самые наивные вопросы. Убеждена, что не более ревностно – раз от всей души, значит, больше нельзя! – он потом показывал музей верхам России. Разница между путеводимыми тонула, и даже сгорала, в неизменности вдохновения. Усилить это вдохновение могло только чужое вдохновение. Оно редко – везде.

Не могу не рассказать об одном его путеводении. Поступил к нам дворник, прямо из деревни, – семнадцати лет, круглолицый, кареглазый, с щеками пышущими, как те печи, которые он так жарко и с таким жаром топил, – по имени Алексей, и, действительно, Божий человек, даже Божие дитя: не пил, не курил, только спал. Зато – спал непробудно.

И вот, это самое “Божие дитя”, однажды, мне: – “Барышня, как бы мне посмотреть нашего барина заведение? Говорят, сам государь на освящение пожалует, так как бы мне уж заодно...” За утренним чаем я, отцу: – “Папа, ты не можешь показать Алексею музей?” – “С удовольствием. Кто такой Алексей?” А это наш дворник. Он очень интересуются...” – “Гмм... навряд ли он... А впрочем, пусть посмотрит...” – За вечерним чаем того же дня: – “Водил, папа, Алексея?” – “А как же!” – “Ну,

Лавровый венок. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru как?” – “Да видишь ли, как человек непросвещенный и даже придурковатый, он, завидев всех моих Гераклов и Венер, так застыдился и даже испугался, что, представь себе, всю дорогу шел слепой. Да, да, да. Закрылся локтем и таким манером прошел по всему музею. – Да ты, Алексей, гляди! Сейчас ничего такого нет! – Куда там! Красный, как рак, взглянет на секунду из-под локтя и, как ошпаренный, опять зажмурится. Тут я его и отпустил”. Утром Алексей приходит топить печку. – “Ну, что, Алексей, понравился тебе музей?” – “Здание хорошее”. – “Почему же ты все время шел слепой?” – Алексей, шепотом: – “Женщины голые...” – На кухне же объяснялся вольнее: – “Конечно, барину видней, и медали у них все, а я человек деревенский, а все – чудно! На старости лет, а чем занялись! Баб голых понаставили да мужиков! Да еще освящать задумали... Да поп – увидит – как плюнет! Му-зей!”

За какой-то срок до открытия музея в доме прошел слух, что отцу “за музей” дают “почетного опекуна”. Слух подтвердился, и начались разговоры о мундире. – “Шить настоящим золотом, – говорил отец сокрушенно, – и подумать страшно, во что это золото обойдется...” – “Ничего, папа, не поделаешь! Дали опекуна – давай мундир!” – “Я не против мундира, но есть мундир и мундир... Зачем мне, старому человеку, золото?” – “Папа, но это форма!” – “Знаю, знаю, но когда подумаешь, что на этот мундир такого же, как я когда-то, босоногого, – в Рим отправить можно... Семьсот целковых! (И, уже с улыбкой:) – Да весь опекун того не стоит!” – Мундир, конечно, был сшит. Был в нашем зале впервые надет и обозрен. Чудесный, древесный, весь в каких-то цветочках. – “Папа, не огорчайся! Ведь это же для музея!” (С доброй улыбкой, но все же со вздохом:) – “Вот, разве уж, для музея!” – Сшили отцу мундир, стали шить дочерям платья (“дамы в белых городских, закрытых”). Нечего говорить, что отец за материей отправился сам, – в какой-то свой магазин, “к одному моему знакомцу, с которым я уже тридцать лет торгуюсь...” – “Материю нужно, прежде всего, прочную, – музей открывается раз, а белое платье всегда пригодится, а фасоном советую шить самым простым, две прямые полы, например, и схватить лентой, а сзади пустим клин”. (В спасительность клина во всех дамских туалетах отец верил свято.) Шила нам наша вечная Олимпиевна, по призыванию домашняя портниха. Нечего говорить, что отец на всех примерках присутствовал. – “Только не обтягивайте, Александра Олимпиевна, не обтягивайте! Материю за глаза, а Марина и так худая, – уж не знаю, с чего, – чтоб не вышло, как кость. Припустите, припустите!” – Олимпиевна же, во всем с отцом соглашаясь, под машинный шумок, шила по-своему, то есть по-нашему. Самое трогательное, что, когда отец увидел нас в готовом, то есть, по существу, для него неузнаваемом, он, гордясь и восхищаясь, свой покрой и клин узнал!

Поверят мне или нет, если скажу, что отец несколько вечеров до открытия музея, в нашей бывшей детской, сам, самолично, учил нас с Асей делать придворный реверанс?! – “Я сколько раз видал на приемах и отлично знаю. (Приподымая полы пиджака и приседая:) – Ногу за ногу, колено согнуть, в талии согнуться, застыть, – и... нет, уж, пожалуйста, без козых скачков! – вот так. Конечно, ваша мама вам бы лучше показала...”

– “Говорила я вам, не спешите замуж, – нашептывала Олимпиевна, выдергивая последнюю наметку, – пригодится вам ваше девичество... Вот и вышло по-моему. Были бы барышнями – были бы сейчас фрейлинами, каждый день бы видели государя с государыней. А то, – вышли замуж за мальчишек!” – “Александра Олимпиевна!” – “А я бы на вас шила – все такое тонкое, воздушное, девическое, придворное... А вот теперь за гимназистами-то замужем, всю жизнь и будете ходить в простом суконном... Эх!”

За день до открытия музея, рано утром, за отцом из музея спешно приехал курьер. – “Что такое?” – “Не могу знать, только просили поскорее и во всем обычном...” – Отец сразу отправился. Вернулся довольно скоро. – “Зачем вызывали?” – “А показать молодой государыне музей”. – “Одной?” – “Да. Она, бедняжка, страдает нервами, не выносит скопления людей, вот и решила посмотреть заранее”. – “Как же это было?” – “Слуга вез кресло на колесах, я шел рядом”. – “Она что-нибудь спрашивала?” – “Нет, ничего. Так и проехали молча по всем залам”. – “И даже не сказала, что понравилось?” – “Нет. Она, должно быть, бедняжка, совсем больная: лихорадочные щеки, взгляд отсутствующий... Я сначала, было, называл залы, а потом и перестал: вижу – не до меня. Ни разу не взглянула ни направо, ни налево, так и проглядела в одну точку. Но под конец все-таки сказала: – “Благодарю вас, профессор”... Бедная женщина! Бедная женщина!”

Так это у меня и осталось, невиданным мною видением: в ранний час утра, в

Лавровый венок. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
катыщемся кресле, по пустым залам, между белых статуй...

В день открытия музея – майский, синий и жаркий – рано утром – звонок. Звонок – и венок – лавровый! Это наша старая семейная приятельница, обрусевшая неаполитанка, приехала поздравить отца с великим днем. Никогда не забуду. Отец в старом халате, перед ним седая огнеокая красавица, между ними венок, который та упорно старается, а тот никак не дает надеть. Мягко и твердо отбиваясь: – “Помилуйте, голубушка! Старый профессор в халате – и вдруг венок! Это вам нужно надеть, увенчать красотой! Нет уж, голубушка, увольте! Сердечно вам благодарен, только разрешите мне этот венок... Экая вы, однако, прыткая!” Итальянка, сверкая глазами и слезами, а венок для верности над головой отца придерживая: – “От лица моей родины... Здесь не умеют чтить великих людей... Иван Владимирович, вы сделали великое дело!” – “Полноте, полноте, голубка, что вы меня конфузите! Просто осуществил свою давнишнюю мечту. Бог дал – и люди помогли”.

Вторым подарком был наш, детский, на него и был положен венок, ибо это был – поднос. Подарок не такой бездарный, как может показаться сразу. Во-первых, папа постоянно пьет чай у себя в кабинете. Во-вторых, пока что, на подносе будут лежать визитные карточки всех предстоящих посетителей. (Усердная Олимпиаевна: – “Письма буду носить Ивану Владимировичу на серебряном подносе, как графу или князю! Чем он хуже! (и, уже начало легенды): Сам царицу в кресле катал!”) В-третьих, и, в-главных: есть место для даты, а дата – всё. Поднос поднесен, и опять извечный припев: – “Зачем мне, старому человеку, серебряный поднос? Это вам с Асей нужно, вы теперь замужем, гостей принимать будете... Спасибо, спасибо. Прекрасный поднос, массивный, хлебниковский... Только жаль, что так на меня потратились...”

Никогда не забуду: под первым лучом того майского солнца, в белом зале, на ломберном столике, на серебряном подносе – лавровый венок.

Сентябрь 1933

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!